

РЪКОВИДЪ НА ПЪРВОУЧЕБНИКА

Серия «Дореволюционные периодические издания»

Русский архив

Историко-литературный сборник

В 155 томах

Том 108

1902

№ 5-8

Репринтное издание 1902 года

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Санкт-Петербургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Санкт-Петербург
Альфарет
2010

✓

Ба-346188
15.

(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

6.

Стр.

177. Дневникъ И. М. Сягирева (1821—1823) съ предисловіемъ А. А. Титова.
213. Къ исторіи Черноморскаго флота. Д. М. Афанасьева (окончаніе).
265. По поводу Записокъ С. Г. Волконскаго. Замѣтки профессора В. С. Иконникова (Пушкинъ и графъ Олizarъ).
268. М. Ѳ. Шугуровъ, біографическій очеркъ.
270. О бунтѣ Черниговскаго полка (1826), посмертная статья М. Ѳ. Шугурова съ приложеніемъ переписки объ этомъ бунтѣ Великаго Князя Константина Павловича и другихъ властей.
303. Еще о графѣ В. А. Перовскомъ. Отвѣтъ М. Л. Юдину. Ив. Захарьина (Якунина).
306. Мелкія замѣтки о Пушкинѣ, В. В. Каллаша.
312. Письмо Я. П. Полонскаго къ К. П. Побѣдоносцову (со стихами).
313. Георгій Дашковъ, епископъ Ростовскій. Статья А. А. Титова.
335. Изъ писемъ къ В. А. Жуковскому: графа Д. Н. Влудова, его дочери и графа І. М. Вильгорскаго.
363. Наша Желѣзнодорожная Политика (новая книга о ней).
365. Николай Павловичъ и Александра Феодоровна въ Динабургѣ. Изъ воспоминаній В. М. Шимана.
367. Поправки (о Николаѣ Павловичѣ) * * *
368. Стихотворная шутка С. А. Соболевскаго (на Нѣмецкомъ языкѣ).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1902.

ЕЩЕ О ГРАФѢ В. А. ПЕРОВСКОМЪ.

(Отвѣтъ на поправки г. Юдина).

Въ четвертой книгѣ „Русскаго Архива“ сего года напечатаны „поправки“ г. Юдина на мои статьи о графѣ В. А. Перовскомъ. Г. Юдинъ упрекаетъ меня и въ „фантазіи“, и въ „неправдѣ“, и въ „существенныхъ неточностяхъ и ошибкахъ“.... Смѣю увѣрить г. Юдина, что въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ возможны ошибки и недоразумѣнія. Лучшимъ доказательствомъ этой глубокой истины могутъ служить хотя бы, напр., слѣдующія строки, напечатанныя мною, въ видѣ выноски, въ статьѣ моей „Начало завоеванія Коканда“: „Здѣсь будетъ очень кстатѣ исправить одну изъ многихъ неточностей, допущенныхъ г. Юдинымъ въ его статьяхъ „Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1896 года. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „За покореніе Кокандцевъ и взятіе Акъ-Мечетѣ онъ (Перовскій) въ числѣ прочихъ награжденныхъ 27-го Декабря 1853 года былъ возведенъ въ графское достоинство“ („Русск. Старина“, Іюнь, стр. 543). Это положительно невѣрно: графство генералъ-адъютанту В. А. Перовскому пожаловано было почти два года спустя уже новымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ при рескриптѣ отъ 17-го Апрѣля 1855 года, о чемъ Перовскій и объявилъ по отдѣльному Оренбургскому корпусу особымъ приказомъ отъ 24-го Апрѣля того же года за № 95“. („Историческій Вѣстникъ“ 1901 г., Іюнь, стран. 1066).

Я посвятилъ г. Юдину десять строкъ, онъ мнѣ десять страницъ.... Считаю необходимымъ, въ интересахъ дѣла, отвѣчать ему.

Первая моя статья о гр. В. А. Перовскомъ была напечатана въ Мартовской книгѣ „Русскаго Архива“ въ 1891 году; въ минувшемъ году вышла о томъ же Перовскомъ моя отдѣльная книга, а въ Іюньской книгѣ „Истор. Вѣстн.“ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о его Кокандскомъ походѣ. Главнымъ образомъ, г. Юдинъ ставитъ мнѣ въ вину „противорѣчія“ въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Перовскомъ, отнюдь не желая принять во вниманіе того обстоятельства, что я самъ приводилъ въ книгѣ нѣкоторыя эти *различныя* и явно противорѣчащія свѣдѣнія о жизни и службѣ Перовскаго и его военныхъ дѣйствіяхъ, почерпая свѣдѣнія изъ *различныхъ же* источниковъ и отъ людей, еще живущихъ, и изъ историческихъ журналовъ, и, наконецъ, изъ сочиненія А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“. Съ этимъ сочиненіемъ г. Юдинъ, очевидно, не познакомился вовсе; будь иначе, онъ бы,

по всей вѣроятности, постигъ истинную причину различныхъ „противорѣчій“, встрѣчающихся въ моихъ статьяхъ о Перовскомъ, съ тѣми свѣдѣніями, которыя онъ заимствуетъ изъ подлинныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ города Оренбурга (этихъ дѣлъ мнѣ не довелось видѣть). Въ своихъ „поправкахъ“ г. Юдинъ доходитъ даже до мелочей: два раза, въ двухъ различныхъ мѣстахъ своей статьи, онъ сообщаетъ, что въ Акъ-Мечети было три пушки, а не „нѣсколько“, какъ сказалъ я, и что эти пушки были мѣдныя, а у меня онѣ названы „чугунными“. Неужели все это такъ существенно важно?!

М. Юдинъ недостаточно внимательно отнесся также и къ моей книгѣ. Такъ, напр., онъ пишетъ: „г. Захарьинъ *вовсе не говоритъ* о службѣ его (Перовскаго) по морскому вѣдомству. Членомъ же Государственнаго Совѣта Перовскій назначенъ лишь 1-го Января 1846 года“ (стр. 629). Приглашаю г. Юдина прочесть въ критикуемой имъ моей книгѣ „Графъ Перовскій и его зимній походъ въ „Хиву“ слѣдующее мѣсто на страницѣ 2-й: „Въ 1846 году Перовскій назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, получилъ Владимира 1-й степени и временно управлялъ Морскимъ Министерствомъ“. Далѣе, на страницѣ 99-й той же книги еще разъ упомянуто о службѣ Перовскаго въ морскомъ вѣдомствѣ: „князь Меншиковъ имѣлъ причины недолюбливать В. А. Перовскаго, вспоминая *его службу въ морскомъ вѣдомствѣ*, когда этотъ честнѣйшій человекъ возставалъ противу непроизводительныхъ и громадныхъ затратъ, дѣлаемыхъ въ этомъ министерствѣ“.

Затѣмъ, какъ бы желая умалить военные заслуги генерала Перовскаго при взятіи Кокандской крѣпости Акъ-Мечеть, г. Юдинъ говоритъ: „вотъ, противу такой-то *крѣпости* съ ничтожнымъ вооруженіемъ и гарнизономъ и предпринялъ генералъ Перовскій правильную осаду по всѣмъ требованіямъ военно-инженернаго искусства, какъ бы и противъ сильной крѣпости, осаду, продлившуюся почти четыре недѣли *).... При этомъ, даже не захотѣли почему-то воспользоваться въ полной мѣрѣ превосходствомъ и силою своей артиллеріи. 17 орудій сила внушительная, и при цѣлесообразномъ массовомъ примѣненіи ея огня можно бы было достигъ болѣе скорыхъ и *существенныхъ* (?) результатовъ“. („Р. А.“, статья Юдина, стр. 634).

Непонятно, какихъ „болѣе существенныхъ“ результатовъ, чѣмъ взятіе крѣпости, можно было достигнуть генералу Перовскому, если бы даже онъ и предвидѣлъ преподаваемые ему, полвѣка спустя, М. Юдинымъ военные совѣты!... Относительно же того обстоятельства, что непріятельская крѣпость была взята не сразу, а 19 дней спустя послѣ ея обложенія, мы находимъ прекрасный отвѣтъ самого Перовскаго, въ его письмѣ къ Булгакову же,

*) Эти сообщенія г. Юдина не вѣрны: земляныя работы начаты были 9-го Іюля, а взрывъ стѣны и штурмъ крѣпости послѣдовалъ 28 Іюля, т.-е. всего 19 дней спустя. (См. два письма Перовскаго къ Московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову отъ 16 и 28 Іюля 1858 года, напечатанныя въ книгѣ „Графъ Перовскій и его зимній походъ въ Хиву“, стр. 187 и 188). И. З.

отъ 16-го Іюля, гдѣ онъ сообщаетъ: „Взятіе Акъ-Мечети не составитъ, можетъ быть, блестящаго дѣла, но *мнѣ жизнь солдата дороже всякой журнальной статьи съ напыщеннымъ бюллетенемъ*“ (стр. 188). Очевидно, Перовскій предпочелъ 19-ти дневную осаду и подкопъ и взрывъ стѣны для образованія бреша (по неимѣнію при отрядѣ осадныхъ орудій), чѣмъ немедленный штурмъ высокихъ стѣнъ крѣпости и массовую потерю людей, которая неизбежно произошла бы въ последнемъ случаѣ. Полагаемъ, что излишнее будетъ замѣтить здѣсь, какъ отнесся ко взятію этой „крѣпостцы“ императоръ Николай Павловичъ, какъ извѣстно, отлично знавшій военное инженерное дѣло. Вотъ, напр., что онъ высказалъ генералу Перовскому въ своемъ рескриптѣ отъ 26 Августа 1853 года: „Получивъ донесеніе ваше о покореніи крѣпости Акъ-Мечети, я поспѣшаю выразить вамъ душевную мою признательность за блистательный этотъ подвигъ, покрывшій новою славою Русское оружіе; онъ вполне увѣнчалъ всѣ распоряженія ваши, отъ коихъ я не могъ не ожидать успѣха, зная примѣрное ваше рвеніе и военную вашу опытность. Но вы не ограничились общимъ направленіемъ дѣйствій: вы пренебрегли трудность предстоявшаго при слѣдованіи къ Акъ-Мечети похода; не щадя слабаго вашего здоровья, приняли лично начальство надъ отрядомъ, для взятія этой крѣпости назначеннымъ, и не переставали раздѣлять съ нимъ всѣ лишенія и опасности“. И далѣе: „Вмѣстѣ съ симъ поручаю вамъ объявить всѣмъ чинамъ храбрыхъ войскъ, находившихся подъ вашимъ предводительствомъ, особенное мое благоволеніе за твердость ихъ, соревнованіе другъ предъ другомъ и отличное ихъ мужество въ бою“.

Повидимому, г. Юдинъ, увлекшись „поправками“ къ моимъ статьямъ упустилъ изъ виду этотъ рескриптъ императора, военнаго инженера, безпристрастно и вѣрно оцѣнивашаго „блистательный подвигъ“ генерала Перовскаго, который положилъ начало нашему завоеванію Коканда, нынѣшней Ферганской области.

Ив. Захарынь (Якунинъ).

С.-Петербургъ.

8 Апрѣля 1902 года.

(Годъ сороковѣй).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

8.

Стр.

529. Дневникъ Ивана Михайловича Снѣгирева. (Съ Ноября 1824 г. по Юнь 1825 г.).
577. Кастанъ Іоанна Грознаго. Д. М. Глаголева.
578. Родъ великаго господина святѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго и всея Русіи. Его же.
579. Описъ столбцовъ Макарьскаго монастыря (Нижегородской епархіи). Ѳ. Кудринскаго.
585. Дѣлъ записки (графа) М. Н. Муравьева о сѣверо-западномъ криѣ.
596. „Иванъ Выжигинъ“ и „Мертвыя Души“. Ю. Ф.
604. Письмо князи П. А. Вяземскаго на островъ Кипръ. (1850).
605. Нѣмецъ на чужбинѣ. Ѳ. Кудринскаго.
609. Изъ писемъ Константина Яковлевича Булгакова къ брату его Александру Яковлевичу. 1808—1810.
633. Изъ собранія автографовъ, принадлежавшихъ А. С. Норову.
643. Письма изъ Оренбурга 1833 года.
660. Дѣло о Полякахъ въ Оренбургѣ 1833 года. Статья И С. Шухшицова.
667. Потье-де-ла-Фромандьеръ. Статья П. Ѳ. Булацеля.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1902.

ПИСЬМА ИЗЪ ОРЕНБУРГА 1833 ГОДА.

Сестра моя, Евгенія Захаровна Воронина, ѣздила въ 1833 году въ Оренбургъ вмѣстѣ съ семьей Шелашиниковыхъ. Семья эта состояла въ то время изъ отца, Петра Ивановича, камергера, Самарскаго помѣщика и откупщика; жены его, Варвары Степановны, рожденной Мельгуновой, и двухъ дочерей *). Старшая изъ нихъ, Софья Петровна, была чрезвычайно красива; вторая, Аделина Петровна, была не такъ хороша, но жива и остроумна. Обѣ онѣ были очень умныя и образованныя дѣвушки. Софья Петровна вышла впоследствии замужъ за барона Гюндфорди, который былъ посланникомъ въ Петербургъ отъ какого-то Нѣмецкаго двора, и уѣхала съ нимъ въ Германію. Аделина Петровна была замужемъ за княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Оболенскимъ, жила и скончалась въ Москвѣ. Дѣвицы Шелашиниковы были очень дружны съ моею сестрой, и мать моя отпустила ее съ ними на три мѣсяца въ Оренбургъ. Письма моей сестры въ Самару къ ея пріятельницѣ Е. Л. Энгельке и къ нашей матери сохранились до сихъ поръ и, можетъ быть, черезъ 69 лѣтъ получили нѣкоторую цѣнность. Изъ этихъ писемъ видно, какой былъ тогда Оренбургъ и его окрестности, изъ кого въ то время состояло общество и какъ оно проводило время.

Последнее изъ писемъ, гдѣ говорится о Пушкинѣ въ Бердахъ, я посылала въ концѣ Марта 1899 года, въ виду приготовлявшихся Пушкинскихъ праздниковъ, Леониду Николаевичу Майкову. Онъ воспользовался имъ для своей книги „Пушкинъ“, которую тогда печаталъ. Онъ же и посоветовалъ мнѣ сдѣлать изъ этихъ писемъ нижеслѣдующія извлеченія для печати.

Вѣра Воронина.

1.

Оренбургъ 25-го Сентября 1833 года, Понедѣльникъ.

17-го Сентября съ восходомъ солнца оставили мы Самару, а только 20-го въ Среде, часа въ два пополудни, прибыли въ Оренбургъ. Путешествіе наше потому было такъ продолжительно, что мы ни одной ночи не ѣхали, и разставался съ своимъ ночлегомъ не ранѣе семи часовъ утра. Мы проѣзжали по большой части казацкими станицами.

*) У Петра Ив. Шелашиникова была еще старшая дочь, Екатерина Петровна, которая была уже тогда замужемъ за охотель-адъютантомъ Лачиновымъ, и три сына, Степанъ, Николай и Валентинъ Петровичи. Я знала только старшаго, Степана Петровича, который потомъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Борисовнѣ Лобановой-Ростовской, замѣчательной красавицѣ. Дочь ихъ, Марья Степановна, замужемъ за генераломъ Роопомъ.

На каждой станці экипажи наши, по обыкновенію, преслѣдовались ребятишками, потомъ окружались толпою всѣхъ возрастовъ; насъ съ любопытствомъ разсматривали, указывали на насъ пальцами, толковали между собой. Потомъ являлся казацкій атаманъ въ полномъ мундирѣ, сопровождаемый нѣсколькими казаками, и отдавалъ честь Петру Ивановичу. Насъ очень забавляло, когда онъ, приложивъ руку къ козырьку кивера, бормоталъ что-то о благополучномъ состояніи казачкаго войска, потомъ, притопнувъ ногой, дѣлалъ «налѣво кругомъ». На слова Петра Ивановича, что онъ напрасно беспокоился и чтобы онъ пошелъ и скинулъ свой мундиръ, всегда былъ отвѣтъ: «Ничего, ваше превосходительство», и онъ все время оставался «при формѣ». Квартіры для ночлеговъ были прекрасныя; намъ всегда приходилось ночевать въ какой-нибудь крѣпости, и мы останавливались въ атаманскихъ домахъ. Первую ночь провели мы въ Барской крѣпости въ домѣ Марычева, въ которомъ живутъ теперь только двѣ старухи. Одна изъ нихъ, какъ видно, домоправительница, одѣта какъ дворовая женщина, болтушка ужасная; видно, что всѣ барыни, у которыхъ служила она, любили отъ скуки потолковать съ ней; она очень въ себѣ увѣрена, во все вмѣшивается, обо всемъ судить, но притомъ услуживаетъ, какъ нельзя лучше, и предупреждаетъ всѣ желанія. Другая, вѣрно работница, въ сарафанѣ изъ претолстой полосухи, съ лицомъ злой колдуньи, съ ухватками и разговоромъ ханжи, вертѣлась около чайнаго стола и преумильно поглядывала въ сахарницу.

Оренбургъ довольно хорошенькій городокъ. Мнѣ всего больше нравится его земляное укрѣпленіе, стѣна его окружающая. Когда мы подъѣхали къ перевозу, отстоящему на шесть верстъ отъ Оренбурга, глазамъ нашимъ открылись прелестные виды: быстрый, но неширокій на этомъ мѣстѣ Уралъ; на немъ огромный паромъ, привязанный къ толстому канату; около прелестные лѣсочки на горѣ. Переправившись и поднявшись на гору, мы увидали съ правой стороны Оренбургъ; съ лѣвой, вдали, виднѣлись шпицы мечетей и крыши домовъ Татарской слободы; вблизи Тептярскія кузницы, какіе-то сарай, кой-гдѣ разбросанные домики. Подъ самымъ городомъ дача военнаго губернатора Перовскаго, принадлежавшая прежде графу Сухтелену *). Правда, она издавна переходитъ отъ губернатора къ губернатору. Весь этотъ видъ очень пріятенъ для глазъ, особливо послѣ такой пустынной дороги, что отъ станціи до станціи нѣтъ ни селеній, ни горъ, ни

*) Генералъ-адъютантъ, графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ былъ съ 1830 г. Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и начальникомъ Оренбургскаго корпуса. Скончался скоростипно въ 1833 г. въ Оренбургѣ и похороненъ тамъ, въ оградѣ военной Петро-Павловской церкви. Былъ очень образованный человѣкъ для своего времени.

лѣсовъ: все пусто, все гладко, степь сливается съ небомъ. Квартира въ Оренбургѣ у насъ прекрасная: залъ огромный, славная гостиная и диванная; полы и стѣны раскрашены; комнаты высокія, окна большія. Все чисто, ново, свѣтло, помѣстительно какъ нельзя болѣе. У насъ трехъ совсѣмъ отдѣльных четыре комнаты; даже съ особеннымъ крыльцомъ.

На другой день нашего пріѣзда, первый кого мы увидали изъ Оренбургскихъ жителей былъ Дурасовъ, дальній родственникъ Шелашниковымъ, камеръ-юнкеръ, служить у Перовскаго. Онъ пріѣзжалъ утромъ, и когда вошелъ, показался намъ какимъ-то иностранцемъ, и мы послѣ долго этому смѣялись. Онъ былъ и вечеромъ этого дня; мы прозвали его между собой *Sans soucis*; а здѣсь его зовутъ «хозяйкой» Перовскаго. Онъ такой толстенькій, маленькій, съ беззаботнымъ видомъ и безпрестанно нюхаетъ табакъ. Однако, не смотря на беззаботную наружность, онъ большой хлопотунъ, и часто заботится о мебелировкѣ домовъ для многихъ пріѣзжающихъ сюда чиновниковъ, размѣется тѣхъ, которые поважнѣе. Теперь онъ хлопочетъ о перевозкѣ вещей военнаго губернатора изъ дома нами занимаемаго. Это была прежде квартира Перовскаго, а для Петра Ивановича Шелашникова нанятъ домъ Егора Николаевича Тимашева; но такъ какъ домъ Тимашева для Шелашниковыхъ тѣсенъ, а домъ Балкашина для Перовскаго слишкомъ просторенъ, то они и помѣнялись квартирами. Къ намъ присылаютъ диваны, комоды, зеркала съ дачи Перовскаго, который не болѣе трехъ дней какъ переѣхалъ въ городъ. Въ Пятницу обѣдали у насъ нѣсколько постороннихъ: генералъ Стеллихъ, прелюбезный человѣкъ, безпрестанно рассказываетъ анекдоты, и мы прозвали его «Фризель» (дядя Луизы въ романѣ «Поѣздка въ Германію»).

Дня два мы никого не видали; вечера намъ казались безконечными, мы скучали смертельно. Третьяго дня вечеромъ сидѣли мы въ нашей комнатѣ; Петръ Ивановичъ и Варвара Степановна были въ диванной. У Варвары Степановны болѣли зубы, и она закутанная лежала на диванѣ. Софѣ Петровнѣ только дошили новое платьѣ изъ темно-синяго терно; она надѣла его и пошла показаться своимъ папенькѣ и маменькѣ; повертывалась передъ ними... Намъ вдругъ докладываютъ о какомъ-то генералѣ, который въ то же мгновеніе и входитъ. Софья Петровна опрометью бросилась изъ диванной, прибѣжала запыхавшись въ нашу комнату и рассказываетъ, какъ неожиданно и внезапно было появленіе этого генерала, который долженъ быть Глазенапъ (такъ ей по крайней мѣрѣ слышалось, когда о немъ докладывали) и что онъ вѣрно видѣлъ ее, хотя она и очень проворно прыгнула въ дверь. Мы немного погодя пошли туда. Я увидала человѣка

средняго роста, крѣпко-сложеннаго, хотя и худощаваго, съ густыми, темными, курчавыми волосами, съ небольшими глазами, самаго свѣтлаго сѣраго цвѣта, но они одушевлялись необыкновенной живостью, въ нихъ блистала умъ. Ему казалось лѣтъ тридцать пять.

— Вы вѣдь знаете Глазенапа ¹⁾, точно ли это онъ? Спросила меня Софья Петровна.

— Или я не помню его хорошенъко, или онъ очень перемѣнился, отвѣчала я. Этотъ также безпрестанно крутить усы, какъ и Глазенапъ; но усы у того были рыжеватые, а у этого темные. Кто бы это былъ такой?

Мы довольно долго находились въ такомъ недоумѣніи; наконецъ изъ разговоровъ съ нимъ Петра Ивановича, узнали, что это Перовскій. Онъ просидѣлъ почти цѣлый вечеръ; его пригласили обѣдать въ слѣдующій день. Онъ просилъ, чтобы обѣдъ былъ домашній, потому и были званы только самые приближенные къ нему особы: Глазенапъ, Стеллихъ, Дурасовъ, Корфъ и генералъ Ангельгартъ, гигантскаго роста старикъ, лѣтъ семидесяти; гладенькая, сѣденькая головка, красное лицо, толстый, огромный носъ багроваго цвѣта: настоящій, состарѣвшійся Скалозубъ. Онъ, кажется, выговариваетъ: «Мнѣ все равно, лишь только бы усѣсться». Глазенапъ, олицетворенное добродушіе, только врядъ ли долго прогоститъ на землѣ: очень слабъ здоровьемъ; говорятъ, у него аневризъмъ. Онъ тотчасъ узналъ меня и началъ говорить, какъ благодаренъ онъ нашему семейству за данный ему пріютъ въ нашемъ домѣ, когда онъ въ такое дурное время, проѣзжалъ черезъ Самару съ маленькими дѣтьми ²⁾.

Въ Воскресенье утромъ пріѣзжало множество мужчинъ, въ томъ числѣ и Струковъ Дмитрій Николаевичъ, но мы его не видали. Занъ ³⁾ что-то совсѣмъ не показывается.

¹⁾ Оренбургскій комендантъ въ это время.

²⁾ Въ Самарѣ не было гостиницъ, и обыватели, сжались надъ безпріютными путешественниками, принимали ихъ въ свои дома.

³⁾ По словарию Брокгауза и Ефрона „Занъ (Тома) былъ Польскій писатель, извѣстный не столько своей литературной дѣятельностью, сколько тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ въ 20-хъ годахъ нашего (теперь прошлаго) столѣтія на Виленскую университетскую молодежь и на Мицкевича. Его дѣятельность и по своему значенію, и по характеру напоминаетъ роль Станкевича въ кружкѣ Бѣлинскаго. Тома Занъ происходилъ изъ бѣдной дворянской семьи, родился въ 1791 году, кончилъ курсъ въ Виленскомъ Университетѣ по физико-математическому факультету. Познакомившись съ Нѣмецкой литературой, Занъ явился насадителемъ въ Вилянѣ романтической поэзіи. Онъ писалъ баллады, передѣлалъ „Ленору“ Бюргера, и хотя его произведенія не блещутъ поэтическими достоинствами, тѣмъ не менѣе они пробудили геній Мицкевича. Соединенный узами дружбы съ лучшими представителями учащейся Виленской молодежи, Занъ затѣялъ тайное научно-нравственное общество, члены котораго назывались „Филаретами“ (любящіе добродѣтель). Когда это общество было раскрыто, все участники его были арестованы и

Сегодня Варвара Степановна съ Софьей Петровной дѣлали визиты, но еще не все кончили. Завтра хотѣлось бы имъ совсѣмъ отдѣлаться, чтобы въ Четвергъ сдѣлать вечеръ.

Мы ѣздили на Мѣнковой Дворъ, но тамъ теперь нечего смотрѣть: часовъ въ десять утра бываетъ тамъ маленькій караванъ, который потомъ уходитъ въ степь.

Пушкина мы уже не застали здѣсь: онъ уѣхалъ наканунѣ нашего пріѣзда. Цѣль его путешествія—собрать свѣдѣнія о Пугачевѣ, котораго исторію онъ намѣревается писать. Верстахъ въ семи отъ Оренбурга есть деревня Берды, гдѣ живетъ одна старуха, которая знаетъ много подробностей о Пугачевѣ, и Пушкинъ ѣздитъ туда ее разспрашивать. Она рассказывала ему много любопытнаго и даже пѣла ему нѣсколько Пугачевскихъ пѣсенъ.

2.

27-е Сентября, Среда.

Утро. Я проснулась, приподнялась на постели, и мнѣ бросилась въ глаза кровля, покрытая снѣгомъ. Какъ ясно, свѣтло! А было очень ненастно нѣсколько дней сряду. Вчера еще шелъ весь день проливной дождь; однако, не смотря на непогоду, Петръ Ивановичъ и Варвара Степановна побывали въ домахъ двадцати, и сегодня надобно еще съѣздить ко многимъ: хочется имъ познакомиться со всеми, для назначеннаго въ Четвергъ бала. Третьяго дня никто не посѣтилъ насъ, и мы довольно поскучали, потому что нѣтъ ни книгъ, ни фортепіанъ. Не знаю, удастся ли достать здѣсь то и другое; безъ всякаго занятія тоска. Къ тому же все надобно сидѣть съ Петромъ Ивановичемъ; онъ также очень скучаетъ: привыкъ заниматься дѣлами или быть въ обществѣ, а здѣсь занятій ему никакихъ нѣтъ, съ обществомъ еще не знакомились хорошенько и потому, хотя и нашлись бы охотники и въ карточки поиграть, и поѣсть, и попить, въ чемъ у Шелапниковыхъ не нашли бы недостатка, но какъ бы совѣстятся еще бывать каждый день, не смотря на усердныя приглашенія. Вчера мы также приготовлялись скучать цѣлый вечеръ... Вдругъ является Занъ; весь въ черномъ, красовалась только голубая незабудочка булавки, которой былъ

разосланъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, Занъ былъ сосланъ въ Оренбургъ. Здѣсь онъ находился въ довольно благопріятныхъ условіяхъ и между прочимъ оказалъ благотворное вліяніе на Авдѣева, какъ его учитель. Въ Оренбургъ же, по приказанію губернатора, Занъ устроилъ мѣстный музей. Въ 1830 году онъ былъ переведенъ бібліотекаремъ въ Петербургъ, въ Горный Институтъ. Умеръ на родинѣ въ 1855 году“.

Въ этой біографіи Зана есть маленькая неточность или недомолвка: если Занъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ 1830-мъ году, то зачѣмъ онъ былъ въ Оренбургѣ въ 1833-мъ году и даже былъ тамъ одно время подъ арестомъ, какъ будетъ видно изъ этихъ писемъ?

заколотъ его шейный платокъ. Черное платье придавало ему совершенно оригинальный видъ. Первые слова его были, что «Дивъ» замучилъ его, не даетъ совершенно ему покоя и сюда долго не пускалъ; что онъ по возвращеніи съ Сѣрныхъ водъ ¹⁾ живетъ пустыннокомъ, нигдѣ не бываетъ и даже у Жемчужниковыхъ былъ только два раза. Аделаида Петровна показывала ему разныя окаменѣлости; долго толковали о камушкахъ, бабочкахъ, букашкахъ. Варвара Степановна засадила его гадать въ карты, но занятіе это было прервано возвращеніемъ Петра Ивановича отъ Перовскаго; онъ привезъ съ собой Дурсова, и вечеръ прошелъ очень пріятно.

Послѣ обѣда. Нынѣшнее утро безпрестанно пріѣзжали отдавать визиты. Прежде всѣхъ была м-те Стеллихъ съ двумя дочерьми (одна незамужняя, другая за Верстовскимъ); она въ траурѣ по старшей дочери, бывшей за Матерно. Потомъ пріѣхала Черкесова, урожденная Габе, премиленькая, маленькая дамочка, съ умнымъ личикомъ. Послѣ нея явилась ея мать, Балкашина, хозяйка занимаемаго нами дома, женщина уже пожилая, умная, очень любезная; но мнѣ показалось смѣшно, что она, вмѣсто обыкновеннаго поклона, присѣдаетъ, какъ молоденькая дѣвушка. Мужа ея я еще не видала; но, говорятъ, онъ такъ молодъ, что можно почестъ его за ея сына. Былъ Артюковъ ²⁾ съ женой; она урожденная Неплюева. Пріѣзжала жена доктора Бидермана съ м-те Даль, и въ одно время съ ними полковница Павлова, бывшая Камашева, Людмила Николаевна. М-те Даль мила, какъ нельзя болѣе: миньютюрненькая, голосокъ тоненькій, звонкій; ну точно колибри эта интересная Нѣмочка. Мужъ ея литераторъ; это онъ пишетъ подъ именемъ Казака Луганскаго. Онъ служитъ у Перовскаго, женатъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ; свадьба и остановила его въ Петербургѣ, а то бы онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Перовскимъ. Пріѣзжалъ плацъ-маіоръ Скрыбинъ съ женой Калмычкой, за которой взялъ, говорятъ, миллионъ приданаго, достоинство не послѣднее! Только что проводили всѣхъ этихъ дамъ, входятъ двое мужчинъ: одинъ военный, дюжій, высокій; другой статской молодой человекъ средняго роста, одѣтый въ самомъ послѣднемъ вкусѣ, въ очкахъ, очень пріятной наружности; но какое-то уныніе разливалось по его лицу. Это были, пол-

¹⁾ Воды эти находятся недалеко отъ Самары. Туда съѣзжалось очень много посетителей въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

²⁾ Полковникъ Артюковъ былъ всѣми любимый, добрыйшій и популярныйшій человекъ. Во время несчастнаго похода въ Хиву при Перовскомъ (1840 г.) онъ, не смотря на свое крѣпкое здоровье, возвратился съ изнурительной лихорадкой, которая вскорѣ и свела его въ могилу.

ковникъ Цѣлковскій ¹⁾ и графъ Красновскій, Полякъ, присланный въ Оренбургъ послѣ возмущенія въ Польшѣ; онъ оставилъ на родинѣ жену и, кажется, груститъ ужасно. Жемчужниковы не пріѣзжали; не знаю, будутъ ли и на балу; у нихъ, говорятъ, боленъ любимый сыночекъ, Николенка, который слыветъ маленькимъ, но уже мальчикъ лѣтъ шестнадцати ²⁾.

Петръ Ивановичъ приглашалъ всѣхъ на балъ по билетамъ, а какъ довольно трудно въ незнакомомъ городѣ разсылать ихъ съ своими людьми, то онъ послалъ просить полиціймейстера Трофимова (женатаго на Олимпіадѣ Никаноровнѣ Струковой) разослать ихъ съ казакѣмъ. Но къ удивленію Петра Ивановича, полиціймейстеръ отказался разсылать билеты и не принялъ посланные для него самого. Прежде было взялъ, но потомъ съ грубостью возвратилъ ихъ посланному, сказавъ: «Не нужно мнѣ этого». Вчера вечеромъ, когда были Дурасовъ и Занъ, Петръ Ивановичъ разсказалъ имъ это. «Вѣрно вы послали не въ часъ», сказали они въ одинъ голосъ. Это значить, что онъ ужаснѣйшій пьяница: «какъ не бьется, а къ вечеру напьется». Жаль бѣдную жену! Комендантъ Глазенапъ съ большимъ удовольствіемъ взялся развести эти билеты.

3.

30-е Сентября, Суббота.

Третьяго дня я по почтѣ отправила къ тебѣ письмо, а сегодня опять пишу. Къ Петру Ивановичу пріѣхалъ нарочный по откупнымъ дѣламъ его и ѣдетъ теперь прямо въ Самару; какъ же пропустить случай увѣдомить тебя о себѣ? Балъ въ Четвергъ былъ очень веселый. Танцовали много. Дурасовъ растанцовался и разлюбезничался донельзя. Струковъ острилъ по прежнему. Корфъ былъ черезчуръ веселъ и не пропускалъ случая насмѣхаться надъ всѣми. Дамы и дѣвицы были всѣ разряжены и, кажется, очень довольны. Кузьминская ѣздила съ отцомъ въ Бугульму на ярмарку, и прошелъ слухъ, будто она выходитъ за Бугульминскаго помѣщика, Пасмурова, за котораго

¹⁾ Когда В. А. Перовскій уѣзжалъ на военно-губернаторство въ Оренбургъ, Николай Павловичъ предупреждалъ его, чтобъ онъ пострже смотрѣлъ за сосланнымъ туда по мѣтежу 1831 года Цѣлковскимъ. Сей послѣдній, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, успѣлъ такъ подольститься къ начальнику края, что въ Хивинской экспедиціи 1839 года походные верблюды очутились въ его распоряженіи, и они падали сотнями, въ чемъ потомъ самъ Перовскій обвинялъ Цѣлковскаго. (Слышано отъ Александра Михайловича Жемчужникова, которому говорилъ о томъ самъ Перовскій, его дядя). Позднѣе Цѣлковскій сдѣлался Русскимъ помѣщикомъ и, какъ слышно, убить былъ своими крестьянами. П. Б.

²⁾ Тутъ говорится о семьѣ генералъ-лейтенанта, начальника 26-й пѣхотной дивизіи Аполлона Николаевича Жемчужникова.

была помолвлена Обухова. Они возвратились въ Оренбургъ часовъ въ шесть послѣ обѣда, а въ восемь Александра Васильевна уже явилась на балъ, и такая что-то развѣженная, жеманная и туманная. Ей, кажется, очень хотѣлось прослыть невѣстой. Молодые люди, особливо Глазовъ, смѣялись надъ ея женихомъ ей въ глаза, и такъ дерзко, что я не могла надивиться; она же только повторяла на распѣвъ: «перестаньте, перестаньте!» и смѣялась вмѣстѣ съ ними. Пасторскія дочки, румяненькія, бѣленькія, свѣженькія, выплясывали отъ души. Струковъ называлъ ихъ цыплетками. Черкесова безпрестанно вертѣла головкой съ большимъ кокетствомъ, хотя съ опущенными глазками. Тутъ былъ новый адъютантъ генерала Жемчужникова, пресмѣшной: настоящая маріонетка, весь въ непрерывномъ движеніи; молоденькій мальчикъ, но увѣренъ, что соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства. Военный губернаторъ игралъ въ карты и иногда приходилъ лорнировать танцующихъ. Онъ говоритъ, что не можетъ терпѣть танцевъ и никогда въ жизни своей не танцевалъ. Философъ Занъ былъ моимъ кавалеромъ въ мазуркѣ и кружился въ котильонѣ съ обыкновенной своей мѣрной медлительностью. Графъ Красновскій, какъ Полякъ, не отказался участвовать въ своемъ національномъ танцѣ. Изъ Жемчужниковыхъ былъ только старшій сынъ Аполлонъ Аполлоновичъ, женатый на Колокольцовой, молодой человекъ, очень любезный и неутомимый танцоръ. Балкашинъ, мужъ пятидесятилѣтней жены, никакъ не старѣе двадцати пяти лѣтъ, молодецъ собой, высокаго роста, стройный, прекрасно танцуетъ и нерѣдко цѣлуется съ милой половиной своей. Софья Николаевна Глазенапъ, также какъ и мужъ ея, тотчасъ узнали меня, спрашивали обо всемъ семействѣ нашемъ, здоровы ли всѣ дѣти, и съ горестнымъ вздохомъ сказала: А я лишилась моей Анюты! Струковъ сказывалъ, что сестра его, Лидія Николаевна, осталась въ Илецкой Защитѣ до Марта мѣсяца и непремѣнно будетъ въ Оренбургѣ. Онъ пресмѣшно рассказывалъ, какъ за Лидіей Николаевной, когда она ѣхала съ отцомъ въ Защиту, гнался какой-то молодой знатный Калмыкъ со своей свитой. Она высунулась изъ окна кареты, чтобы посмотрѣть на эту дикую кавалькаду и такъ поразила ихъ своей Калмыцкой красотой*), что они скакали за нѣю каретой, заглядывая въ окна, цѣлую станцію; а тамъ объявили ея отцу, что готовы отдать все, чѣмъ имѣютъ, чтобы получить въ жены своему начальнику такую красавицу.

*) Лид. Ник. Струкова, одна изъ сестеръ Дм. Ник. Струкова и бывшаго Владимирскаго губернатора, Владимира Николаевича Струкова, была желтовато-смуглая брюнетка съ яркимъ румянцемъ. У нея были блестящія, узкіе, черные глаза и очень выдающіяся скулы.

Нынѣшнимъ утромъ мы были въ Музеумъ. Запъ ожидалъ насъ тамъ и показывалъ все достойное примѣчанія; но надо быть нѣсколь-ко разъ, чтобы разсмотрѣть все подробно, а въ одинъ разъ можно замѣтить только тѣ вещи, которыя больше бросаются въ глаза, да и то осмотришь ихъ поверхностно. При входѣ вниманіе обращается на огромную кость, часть головы какого-то допотопнаго звѣря; она лежитъ на столѣ прямо противъ двери. По сторонамъ стоятъ куклы въ ростъ человѣческій въ разныхъ, очень богатыхъ Азіатскихъ костюмахъ, по четыре съ каждой стороны. Въ одномъ ряду Мордовка, Калмычка, Киргизка и Уралка, въ платьяхъ замужнихъ женщинъ; въ другомъ двѣ дѣвушки, Уралка и Киргизка; Калмыкъ въ казацкомъ мундирѣ и Сибирскій Шаманъ. Около развѣшаны кольчуги, сѣдла, чепраки и разныя одежды, въ томъ числѣ рубашка, сшитая изъ рыбьихъ пузырей, претонкая и прозрачная; надѣвается совсѣмъ съ головой. Такія рубашки носятъ женщины Самоѣдки; она защищаетъ тѣло отъ укушенія разнаго рода насѣкомыхъ. Тутъ находится портретъ альбиноса, съ розовыми глазами и волосами бѣлыми, какъ самый бѣлый сырецъ. Онъ проѣзжалъ здѣсь въ 1831 году, 29 лѣтъ отъ роду, тогда и подарилъ онъ въ музеумъ портретъ свой, внизу котораго положено подъ стекло немного чудныхъ его волосъ. Онъ изображенъ въ Европейскомъ платьѣ; черный фракъ, бѣлый жилетъ, черный платокъ на шеѣ; но волосы предлинныя, распущенныя по плечамъ и большіе бакенбарды, совершенно сходящіеся на подбородкѣ. Имя его Варлей (Warley); онъ родился въ Лондонѣ отъ матери Англичанки, все это подписано подъ портретомъ. Въ стеклянныхъ шкапахъ и ящикахъ разложены каменья, раковины и проч. На полкахъ помѣщены чучелы небольшихъ звѣрьковъ и птицъ. Аделаида Петровна сдѣлала замѣчаніе, что чучело филина имѣетъ удивительное сходство съ Заномъ, и въ самомъ дѣлѣ. Замѣчательнъ уродъ-теленокъ, величиной съ кошку, но толстъ ужасно, шерсть премохнатая, на коротенькихъ ножкахъ съ рыломъ, болѣе всего похожимъ на собачье. На стѣнахъ портреты знаменитыхъ особъ Оренбургскихъ: военнаго губернатора Неплюева, основателя училища, въ которомъ и находится Музеумъ и которое названо въ честь его Неплюевскимъ, и многихъ другихъ. Пока мы были въ Музеѣ, классы въ училищѣ кончились, и къ Петру Ивановичу привели 10-ти лѣтняго сына хана Киргизскаго, который отданъ учиться по-русски, но еще ничего не говорить и не понимаетъ даже. Петръ Ивановичъ дѣлалъ ему нѣкоторые вопросы посредствомъ своего лакея Ивана, который знаетъ всѣ Азіатскія нарѣчія здѣшняго края.

Въ этотъ вечеръ всѣ мужчины были приглашены къ Перовскому, и онъ просилъ собираться къ нему каждую Субботу. Это еще въ первый разъ; онъ прежде никогда не дѣлалъ никакихъ пирушекъ.

4.

Понедѣльникъ, 2-го Октября.

Мы сегодня сдѣлали очень пріятную прогулку: ѣздили за Уралъ въ садъ, гдѣ долго ходили. Виды тамъ прелестные. Садъ, который возрастила сама природа, а искусство только расчистило, расположенъ на берегу Урала, который протекаетъ подъ самымъ городомъ. Изъ сада видна часть городского вала и гора, совершенно красная; на ней церковь и еще нѣсколько красивыхъ строеній. Въ саду сдѣлано много хорошихъ бесѣдокъ и мостиковъ; а въ концѣ одной аллеи декорация замка, отъ которой послѣ длинной аллеи сдѣланъ подъемный мостъ. Вчера утромъ пріѣзжала старшая Жемчужникова, Жанета Аполлоновна, съ теткой, Софьей Ивановной; но я не видала ихъ, въ Четвергъ общались онѣ быть. Военный губернаторъ не очень здоровъ. Утромъ пріѣзжалъ извиниться, что не можетъ обѣдать. Обѣдало у насъ довольно много, въ томъ числѣ и дамы: m-me Стеллихъ съ дочерью и m-me Даль; мужъ ея былъ занятъ, не могъ быть на обѣдѣ, но пріѣхалъ къ вечеру. Наружность его очень мало общается. Его надобно, такъ сказать, расшевелить, чтобы онъ заговорилъ, а очень пріятно слушать его, когда разговорится. Въ этотъ вечеръ какой-то фокусникъ (Гейгфишъ) давалъ представленіе, и мы со всѣми гостями отъ правились смотрѣть его штуки; но это такъ было продолжительно, что мы возвратились домой, не дождавшись конца. Оттуда многіе опять къ намъ явились.

5.

8-го Октября, Воскресенье.

Обѣдалъ у насъ военный губернаторъ. Онъ привезъ съ собой Даля, Дурасова и Калустова. Въ Субботу утромъ мы ѣздили кататься и заѣхали въ Татарскую мечеть, но тамъ не нашли ничего примѣчательнаго. Это просто огромная пустая комната; полъ устланъ зеленымъ сукномъ; противъ входа въ стѣнѣ впадина, куда во время службы ставится высокое кресло съ тремя или четырьмя ступенями, обитымъ краснымъ бархатомъ. Мулла, сидя на немъ, читаетъ коранъ. На этотъ разъ кресло стояло въ углу. Возвращаясь оттуда, замѣтили мы вдали нѣсколько всадниковъ, Киргизцевъ, въ красныхъ одеждахъ, что означало, что они непростого званія. Петръ Ивановичъ велѣлъ ѣхать тише, чтобы съѣхаться съ ними. Мы остановились посмотреть на нихъ; они тоже остановились, вѣроятно также изъ любопытства. Ихъ было семеро; впереди четверо въ рядъ: одинъ въ красной одеждѣ, родъ мантии, но съ рукавами; на головѣ бѣлая шапка; другой въ пестрой одеждѣ и въ красной шапкѣ съ галунами; потомъ мальчикъ лѣтъ десяти въ платьѣ розоваго цвѣта, и еще какъ бы служитель ихъ, одѣ-

тый очень просто. Сзади, въ нѣкоторомъ отдаленіи, ѣхали верхомъ двѣ женщины; одна изъ нихъ богато одѣтая, тоже въ красной мантии; на головѣ, выложенная галунами, высокая шапка, накрытая бѣлой кисеей, которой обвязывалось и лицо, выключая, лобъ и глаза, такъ что можно было видѣть, что это молодая женщина. Спутница ея пожилыхъ лѣтъ, съ непокрытымъ лицомъ и, судя по ея одеждѣ, должно быть прислужница. Подлѣ нихъ, какъ-бы евнухъ, ѣхалъ старый Киргизецъ. Удовлетворивъ наше любопытство, мы обогнали ихъ и отправились посѣтить нѣкоторыхъ знакомыхъ. Заѣзжали къ Кузминскимъ, къ Далю, къ Глазенапъ, но никого не застали и воротились домой къ самому обѣду, предводительные своей прогулкой. Вечеромъ танцевали, но въ этотъ разъ не такъ было много, какъ въ прошедшій Четвергъ; особливо кавалеровъ гораздо меньше. Одни занемогли, другіе отлучились изъ города по дѣламъ службы; въ числѣ послѣднихъ Глазовъ и Нѣмчужниковъ. Король отправился съ полкомъ своимъ въ Уфу.

Въ Пятницу послѣ обѣда ѣздили мы опять прогуливаться и присели по валу, съ котораго открываются очень хорошенькіе виды: въ этой необозримой степи, вдалекѣ отъ города видны то рощицы, то горы, на которыхъ расположены лагеря или деревеньки, тамъ дача военнаго губернатора съ хорошенькимъ домикомъ, тутъ лентой изви-нающийся Уралъ и наконецъ Мѣнновой Дворъ, строеніе огромное, оди-нокое посреди степи; все это дѣлаетъ видъ прекраснымъ.

Вчера утромъ Петръ Ивановичъ, по приглашенію многихъ здѣш-нихъ охотниковъ, ѣздилъ на охоту. Вечеромъ былъ онъ у Перовскаго, а мы просидѣли однѣ; но у насъ есть теперь занятія: Калустовъ при-слалъ намъ свое фортепіано, Занъ добылъ намъ книгъ.

Полночь.

Вечеръ провели мы очень пріятно. Сначала явился Дурасовъ, потомъ Перовскій съ Далемъ и его женой. Перовскій уѣхалъ ранѣе всѣхъ, тогда Даль послалъ за своими сказками и прочелъ намъ двѣ изъ нихъ, презабавныя и прекрасно написанныя въ самыхъ народныхъ Русскихъ выраженіяхъ. Одна подъ названіемъ «О воръ и бурой ко-ровѣ», другая: «Дочь Строева или боровушка-буренушка». И онъ читалъ ихъ очень хорошо. Потомъ начали пѣть: прежде Дурасовъ, который поетъ прекрасно, потомъ жена Даля пречпріятнымъ голоскомъ; наконецъ составили тріо: Дурасовъ и Даль съ женой пѣли Россія пѣсни прелестно.

16 Октября, Понедѣльникъ.

Недавно пріѣхалъ сюда Гёкъ, любимецъ покойнаго графа Сухте-лена. Онъ провожалъ дочь графа въ Петербургъ и потомъ ѣздилъ

къ королю Шведскому; не умѣю вамъ сказать хорошенько, зачѣмъ онъ ѣздилъ, а кажется для увѣдомленія короля о кончинѣ графа ¹⁾).

6.

25-ое Октября, Вторникъ.

18-го мы ѣздили въ Илецкую Защиту, но только вчетверомъ: Петръ Ивановичъ съ дочерьми и я, а не въ большомъ обществѣ, какъ собирались за недѣлю до этого: кто сдѣлался боленъ, кого задержали дѣла. Одинъ Артюковъ хотѣлъ сопровождать насъ, но въ утро нашего отъѣзда Перовскій долго задержалъ его у себя съ дѣлами, и мы, боясь опоздать, уѣхали безъ него. Въ Илецкой Защитѣ остановились мы въ домѣ Григорія Никаноровича Струкова ²⁾, который принялъ насъ со свойственнымъ ему радушіемъ. Было около пяти часовъ пополудни, и Петръ Ивановичъ, желая воспользоваться прекрасной погодой, которая къ слѣдующему утру могла измѣниться, просилъ Григорія Никаноровича показать намъ поскорѣе, пока свѣтло разработку соли. Мы отправились туда пѣшкомъ въ сопровожденіи Григорія Никаноровича и Лидіи Николаевны. Въ это время рабочіе уже расходились, но Струковъ послалъ сказать, чтобы снова вступили въ работу нарочно для пріѣзжихъ. Я не въ состояніи описать вамъ разработку соли; надобно видѣть эту картину, чтобы имѣть объ ней понятіе; скажу только: я видѣла неисчерпаемое богатство природы. Вырабатывается большое, широкое и открытое пространство соляного грунта, съ одной только стороны вырыто десять сажень въ глубину, и эта, какъ бы закопѣвшая и почернѣвшая отъ времени стѣна имѣетъ видъ необыкновенный.

Утромъ встали мы очень рано, погода сдѣлалась прененастная; однако, несмотря на то поѣхали опять съ Григоріемъ Никаноровичемъ въ его каретѣ отдать послѣднюю дань нашему любопытству, взглянуть еще на разработку соли. Потомъ отправились осматривать пещеры единственной горы въ этомъ степномъ мѣстѣ, на которую любовались мы наканунѣ. На вершинѣ ея зубчатая ограда, куда прежде сажали преступниковъ. Въ пещерахъ этихъ лѣтомъ, въ самый силь-

¹⁾ Это предположеніе можетъ быть вѣрно, потому что отецъ Сухтелена, инженеръ-генералъ Петръ Кириловичъ, былъ посланникомъ при Шведскомъ дворѣ въ 1810 году, когда Бернадотъ, подъ именемъ Карла Іоанна, былъ объявленъ наслѣдникомъ Шведскаго престола. П. К. Сухтеленъ сопровождалъ кронъ-принца въ походахъ противъ Французовъ и Датчанъ, и Бернадотъ долженъ былъ знать его сына, отличившагося уже тогда въ нѣсколькихъ кампаніяхъ.

²⁾ Д. ст. сов. Струковъ, управляющій Илецкаго конторою Соленого Правленія, жилъ въ 30-хъ годахъ въ Самарѣ. Уѣзжая оттуда, онъ подарилъ городу свой садъ, который до сихъ поръ носитъ названіе Струковского сада.

ный жаръ, образуется ледъ, а зимой напротивъ очень тепло, и многіе тамошніе жители испросили позволенія построятся около этой горы, чтобы имѣть погреба, не требующіе никакого попеченія.

Снабженные Григоріемъ Никандровичемъ разными вещами, выдѣланными изъ сердцевины соли, отправились мы обратно въ Оренбургъ, предовольные нашимъ путешествіемъ.

Едва кончила я писать къ вамъ, какъ Петръ Ивановичъ прислалъ сказать, чтобы мы скорѣе собирались ѣхать смотрѣть входящій караванъ. Когда мы пріѣхали, онъ только еще показывался; мы прошли пѣшкомъ весь Мѣновой Дворъ и далеко въ степь на встрѣчу ему. Караванъ состоялъ изъ 250 верблюдовъ, которые, тяжело навьюченные, медленно тянулись одинъ за другимъ. Странное было зрѣлище: въ необозримой степи тянется цѣпь такихъ огромныхъ, безобразныхъ животныхъ съ сѣдоками и вожатыми, мало разнящимися отъ нихъ въ умственныхъ способностяхъ, и физіономію ихъ дикая и безобразная, также замѣчательна въ своемъ родѣ, какъ и верблюжья. Небрежно раскинувшись, какъ на самомъ спокойномъ креслѣ, сидитъ безпечный дикарь съ трубкой въ зубахъ на навьюченной спинѣ добраго животного, между двумя горбами его, и только покачивается, повуждаемый къ этому движенію мѣрной, тяжелой походкою верблюда. Встрѣтивъ караванъ, мы вошли въ сарай, находящійся въ срединѣ Мѣноваго Двора, гдѣ снимаютъ съ верблюдовъ вьюки съ товарами. Вожатый только дернетъ за веревку продѣтую сквозь ноздри верблюда, и онъ въ одно мгновеніе, съ престраннымъ, громкимъ, жалобнымъ крикомъ упадетъ на колѣна; немовѣрно быстро его развьючиваютъ, онъ проворно вскакиваетъ и проходитъ на площадь Мѣноваго Двора. Такимъ образомъ проводятъ каждого изъ нихъ черезъ сарай, изъ котораго они бодро выступаютъ одинъ за другимъ, сложивъ съ себя тяжелыя ноши, и располагаются отдыхать на площади. Петръ Ивановичъ просилъ таможеннаго начальника (Хребкова) дать знать, когда разложить товары, и мы опять поѣдемъ туда.

7.

30-е Октября, Понедѣльникъ.

Самая важная здѣсь новость есть та, что г-нъ Середа женился въ Середу, и m-elle Немятова сдѣлалась наконецъ m-me Середа *).

*) Одинъ изъ нашихъ Сибирскихъ поэтовъ, Корелевъ, увидавъ m-me Середу на Сѣрныхъ Потокахъ, написалъ слѣдующее стихотвореніе.

День черный, Пятница, твердятъ
Нашъ суевѣръ, покорный страху,
И повѣруетъ жизни быть
По Грюсовскому альманеху.

Свадьба эта совершилась очень тихо и почти тайно: никто не зналъ, въ какой именно день будутъ они вѣнчаться. Перовскій былъ посаженнымъ отцомъ жениха. Въ Четвергъ Перовскій оставался у насъ болѣе обыкновеннаго, и хотя никогда не ужинаетъ, но провелъ все время ужина за однимъ изъ столовъ, любезничая съ дамами (замужними), у которыхъ отъ такой рѣдкости были, кажется, ўпки на макушкѣ. Особенно Щербачова (мимоходомъ замѣтить, несносная педаантка) пришла въ совершенный восторгъ. Шольнеръ (я, кажется, уже писала тебѣ, что Перовскій прозвалъ дергуна, адъютанта Жемчужникова, Шольнеромъ) сильно скучалъ, потому что не было дочерей пастора, которыхъ онъ находить такими красавицами, какихъ въ жизнь свою онъ еще никогда и нигдѣ не встрѣчалъ.

Погода стоитъ прелестнѣйшая. Варвара Степановна въ Субботу утромъ взяла меня съ собой прогуляться, и я ходила въ моемъ тепломъ капотѣ, въ которомъ мнѣ въ комнатѣ не бываетъ жарко; и это въ концѣ Октября!

На вечерѣ у Жемчужниковыхъ, Шольнеръ занималъ своими любезными разговорами меня и Софью Петровну. Онъ говорилъ намъ, что занимается поэзіей и въ разговорахъ своихъ употребляетъ самыя поэтическія выраженія. Напримѣръ, являясь съ докладомъ къ своему генералу, говоритъ: «Я къ вамъ явился, какъ метеоръ». Былъ онъ въ одномъ домѣ, гдѣ размалевывали комнаты; малеванье это восхитило его, какъ нельзя болѣе, и онъ всѣмъ рассказывалъ, что видѣлъ въ Оренбургѣ «науки и художества въ лирическомъ вкусѣ». Не правда ли, что онъ долженъ быть поэтъ, полный вдохновенія! Жемчужниковы обѣщали намъ промыслить его стихи *).

Такъ Вяземскій въ своихъ стихахъ
Сказалъ однажды, можетъ въ шутку,
Но суевѣрный объялъ страхъ
Меня на переборъ разсудку.
Боялся Патяицы и я.
Но все идетъ своей чредою,
И нынче милые друзья,
Я началъ бредить Середою.
О, друзья! Мнѣ грозить бѣда,
Не жду отъ Воды и исцѣленія,
Затѣмъ что эта Середя
Гораздо лучше Воскресенія.

* Обѣ Жемчужниковы, Жанета и Ольга Аполлоновны, кончили жизнь ужасной смертью. Обѣ онѣ не были замужемъ и долго жили съ братомъ своимъ, Александромъ Аполлоновичемъ Жемчужниковымъ, который въ 40-хъ годахъ былъ удѣльнымъ управляющимъ въ Самарѣ, потомъ вышелъ въ отставку и жилъ недалеко отъ Самары въ имѣніи своей жены, рожденной Тимашевой. Въ 80-хъ годахъ дѣвочки Жемчужниковы переѣхали

8.

6-е Поября, Понедѣльникъ.

Зань, бѣдный Зань, взять подь стражу по какому-то доносу! Это случилось 26-го Октября, въ Четвергъ. Онъ, говорятъ, совсѣмъ готовъ былъ отправиться къ намъ на вечеръ, когда его взяли. Я сначала не знала ничего, потомъ не рѣшалась написать тебѣ, потому что все дѣлалось такъ таинственно, всѣ объ этомъ только шептались. Теперь всѣ громко говорятъ объ этомъ и увѣряютъ, что доносъ былъ совершенно ложный и всѣ арестованные Поляки освободятся. Вчера графъ Красновскій, который не былъ въ подозрѣніи, сказывалъ, будто Зань уже въ своей квартирѣ, но не знаю свободенъ ли онъ. Доносъ состоялъ въ томъ, что находящіеся здѣсь Поляки возмутили всѣхъ окружныхъ Азіатцевъ и полки изъ нихъ состоящіе. Въ условное время, должны были сдѣлать нападеніе на Оренбургъ и завладѣть имъ, напередъ перерѣзавъ измѣннически ночью всѣхъ начальниковъ, начиная съ военнаго губернатора. Открытіе ужасное, нельзя было не принять строжайшихъ мѣръ. Захватили всѣхъ Поляковъ. Перовскій дѣлалъ неуспѣшныя изслѣдованія, и доносъ оказывается не справедливымъ. Говорятъ, любовь была причиной этого злобнаго лжесвидѣтельства. Доносчикъ, тоже Полякъ, влюбился въ дочь атамана какой-то крѣпости, верстахъ за сто отъ Оренбурга и просилъ у отца руки ея; но тотъ отвѣчалъ искателю, что если бы онъ успѣлъ заслужить чѣмъ нибудь у начальства награду и повышеніе въ чинѣ, то онъ отдалъ-бы за него дочь свою, а что теперь онъ очень мало значить. И будто они вмѣстѣ придумали это ужасное средство къ выслугѣ передъ начальствомъ. Но злоумышленія всегда открываются, хотя къ сожалѣнію иногда слишкомъ поздно!

9.

20-ое Ноября, Понедѣльникъ.

Сегодня празднуется восшествіе на престолъ Государя Императора, и по этому случаю былъ торжественный обѣдъ у военнаго губернатора; а вечеромъ «имѣетъ быть» блистательнѣйшее собраніе, куда въ большомъ количествѣ наберется все прыгающее, просто ходящее и даже, вѣроятно, еле-двигающееся въ Оренбургъ.

вдвоемъ на житье въ Самару. Знакомы онѣ ни съ кѣмъ не были; иногда только посѣщали ихъ родственники, проѣздомъ черезъ Самару въ имѣніе къ ихъ брату. Одинъ изъ ихъ племянниковъ, Жемчужниковыхъ, приплылъ рано утромъ на пароходѣ и подѣлалъ на извозчикѣ къ ихъ, еще запертымъ, воротамъ. Долго стучался они, но ему не отпирали. Сосѣди, разбуженные стукомъ, сообщили ему, что уже два какъ изъ дома никто не выходилъ, и ворота не отпирались. Ихъ выломали, вошли въ домъ и увидели на полу, уже начинавшіе разлагаться, трупы несчастныхъ Жемчужниковыхъ. Видно было, что онѣ страшно боролись съ своими убійцами.

Сюда еще прибылъ танцоръ, Аничговъ, адъютантъ чей-то, да еще какой-то путешественникъ, молодой человекъ, лѣтъ двадцати шести; должно быть Нѣмецъ, хотя по-русски говорить, какъ Русскій. Онъ, говорятъ, бывалъ здѣсь уже нѣсколько разъ, а теперь пробирается въ Китай.

Въ Пятницу былъ у насъ опять небольшой музыкальный вечеръ. Былъ Стеллихъ съ дочерью и съ зятемъ, Верстовскимъ, который фантазировалъ на фортепіано, потомъ акомпанировалъ Дурасову, пропѣвшему нѣсколько Итальянскихъ арій и романсовъ; а въ заключеніе къ нему присоединились Даль съ женой *) и пѣли Русскія пѣсни очаровательно.

М-ме Даль рассказывала, какъ всѣмъ дамамъ хотѣлось видѣть Пушкина, когда онъ былъ здѣсь. Онъ пріѣзжалъ ненадолго и бывалъ только у нужныхъ ему по его дѣлу людей или у прежнихъ знакомыхъ. Двѣ ея знакомыя барышни узнали отъ нея, что Пушкинъ будетъ вечеромъ у ея мужа, и что они будутъ вдвоемъ сидѣть въ кабинетѣ Дали. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались въ садъ, влѣзли на это дерево и изъ вѣтвей его смотрѣли на Пушкина, слѣдили за всѣми его движеніями, видѣли, какъ онъ отъ души хохоталъ; но разговора не было слышно, такъ какъ рамы были уже двойныя.

26-ое Ноября, Воскресенье.

Выпалъ снѣгъ, и мы вчера ѣздили въ Берды, къ старушкѣ, которая рассказывала Пушкину о Пугачовѣ. Мы посѣтили ее съ тою же цѣлью. Взяли съ собой бумаги и карандашъ, чтобы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее сидящую на печи, окруженную молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобы это была она: старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говорить, что при Пугачовѣ была лѣтъ двадцати. Петръ Ивановичъ сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали, такъ какъ слышали, что она помнитъ Пугачова. «Да, батюшка», отвѣчала она проворно слѣзая съ печи и низко кланяясь, «нечего грѣха таить, моя вина». — «Какая же это вина, старушка, что ты знала Пугачова?» — «Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый; борода русая, окладистая; ростомъ не больно высокъ и не малъ, немного

*) Это была первая супруга Владимира Ивановича Дали, Француженка, отъ которой родился единственный его сынъ, Левъ Владимировичъ, даровитый архитекторъ. П. В.

пониже вашего благородія ¹⁾). Какъ же! Хорошо знала его и присягала ему вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положить платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его енаралы; одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди что срубить, другой—серебряный мечъ; супротивъ висѣлица, а около мы на колѣнахъ присягаемъ; присягнемъ, да поочереди, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а межъ тѣмъ на виселицу-то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это, скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта ²⁾: предобрый былъ баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до одинаго, куда и страхъ дѣвался! Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее да ея брата, барина молодого, Пугачовъ взялъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачова, а которымъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подъ начальствомъ, такъ ужъ онъ ихъ упросилъ, застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь,—что же бы вы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили таки далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно, ихъ не до смерти убили, такъ они сползлились, обнялись, да такъ и померли».

Много еще она намъ рассказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачова, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали... Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда рассказчица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачова; онъ жилъ тамъ въ мирное время, отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ къ своей «барынѣ», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ: Кто знаетъ, зачѣмъ вы спрашиваете меня о Пугачѣ? Она медни тоже прѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ рассказывать; а другія бабы пришли да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, вѣдь это—Антихристъ». Мы старались ее разуверить: «Да и

¹⁾ Въ Ревелѣ въ Провинціальномъ Музеѣ на Морской улицѣ хранится прекрасно писанный портретъ Пугачова, имѣющій всѣ признаки сходства. Его писалъ одинъ изъ адъютантовъ генерала Михельсона, которой поймалъ мнимаго Петра III-го. П. Б.

²⁾ Капитана Сурина.

я думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю, такъ, кажись, что тутъ за бѣда? Онъ же—дай Богъ ему здоровья—наградилъ меня за рассказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и пріятель нашъ, полковникъ Артюковъ; ужъ онъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы-то какъ было меня напугали! Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня распрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ патреть: красавица такая написана. «Вотъ», говоритъ «она, станетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и накинулись. Кто говоритъ, что его подослали, что меня въ тюрьму засадятъ за мою болтовню; кто говоритъ: «Антихриста видѣла, когти-то у него какія! Да и въ писаніи сказано, что Антихристъ будетъ любить старухъ, заставлятъ ихъ пѣсни пѣть и деньгами станетъ дарить.» Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить везти меня въ Оренбургъ къ начальству. Такъ и говорю: «смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются, «не бойся», говорятъ: «это ему самъ Государь позволилъ о Пугачѣ вездѣ распрашивать. Ну, ужъ я и успокоилась, никого не стала слушать».

Концерта сегодня не было, а назначенъ въ Середу, а въ Четвергъ будетъ у насъ вечеръ уже послѣдній! Увы!... Въ Николинъ день назначенъ маскарадъ, гдѣ мы, я думаю, будемъ; а на другой день предполагаемъ выѣхать. Жалко мнѣ такъ скоро оставить Оренбургъ. Я еще ни одного мѣста такъ не любила. Не разсердитесь на меня за это! Согласитесь, что Самара несносна...

Сообщено г. Алмазовымъ.
